

Где-то в декабре, Лорна вдруг сказала. А давай поиграем! Иии... я согласилась.

Что: Магистр дьявольского культа.

Как: ОСС. Летопись восходящего солнца.

Кто: Лань Цижень.

И все было б ничего, но практически на входе, я ввязался в авантюру.

Оформлю все как воспоминания...

Война прошла тяжело. Я потерял брата, я потерял друга, я почти потерял смысл.

Поддержка пришла, что называется, откуда не ждали. Мой второй друг, вечный авантюрист и прожигатель жизни, просто пил со мной чай и говорил. О жизни, о войне, о том что было пройдено и совершено. Так я узнал о договоре с Вень Жоханем. Ты проговорился случайно. Договор с специфичным пунктом... Быть его любовником на определенных условиях. Я не осуждал тебя, нет. Ты думал о благе своего клана, имел на это полное право. Я не понимал Жоханя... Мы говорили и пили чай.. Постепенно становилось все теплее, и легче. Пришло осознание собственных ошибок, совершенный на пути. Осознание давило грузом на сердце, но и давало надежду.

Что побудило меня пригласить Гуаньшаня в свою одинокую берлогу? Ну, кто сейчас скажет? Быть может предвидение, или подсознательное знание... Трещал огонь в очаге, на столе был чай, и простая по меркам Главы ордена Цзинь пища, рис, да овощи. А мы.. Мы впервые сплетали вместе руки, тела и души.. Это было неожиданно легко, и правильно, хоть и несло на себе отпечаток наших обязательств, что остались за стенами домика.

Два месяца мы встречались когда могли... Пока как-то раз, он не пришел просто на чай ко мне в Облачные Глубины. Моему другу было больно. Эта боль шла изнутри. Я не знал можно ли помочь ему словами, и мы просто молчали, и с каждым глотком чая, его покидало напряжение. Я впервые отдал то единственное что мог, ощущение, что я рядом. Просто рядом.

У старшего племянника, Лань Сиченя, появился новый друг. Порой, он приезжал к нему в гости в Облачные глубины, и иногда заходил ко мне на чай. Очень умный юноша, разговоры с ним доставляли мне удовольствие, а его стремление учиться очень импонировало. В одну из встреч с Гуаньшанем, я его спросил, почему он не признает Мэн Яо сыном, ведь тот более чем достоин этого. На что получил ответ, что он очень ценит его ум, но ситуация с супругой такова, что признать он пока его не может. Только оградить от ее повышенного внимания.

Мир вокруг менялся, он подкидывал загадки и заставлял сердце заходиться в тревоге.

Как сейчас, я помню письмо Вэнь Жоханя, глупое и надуманное, по факту слишком похожее лишь на повод. Но вот к чему? Любопытство пересилило, и наша встреча состоялась. Говорить правду порой очень больно. Я могу понять амбиции, я помню чего каждый из нас, еще в юности, хотел добиться. Но я не приму его средств, и не прощу. Не смогу простить.

С тяжелым сердцем я возвращался домой. И возможно оттого, с головой окунувшись в расследование слуха о "Мертвеце из Гусу". Само явление живого мертвеца, было делом странным. Ведь семья говорила, что похоронен он был по всем правилам. Только умер странно. И знак на руке. Точно такой знак, какой был в документах, посвященных Цинь Линхуа, Старейшине Илин. Весть с гонцом летит к Лань Сиченю, что отправился помогать друзьям. Быть может, он найдет что-то похожее в других землях заклинателей? Надеюсь, что нет, но не верю.

Стремительно летели тревожные вести, а в домике в лесу, появляется потрепанный Гуаньшань. Едва стоящий на ногах, подавленный и весь в шрамах, с искаженными ядром и потоками ЦИ, чуть кривоватой улыбкой на лице, и вечным - "Да ладно! Все ж в порядке!" Нет, не в порядке! На меч и в Облачные глубины. Быстро предупредить племянников, что буду отсутствовать неделю, и... Сменная одежда, травы, мази, "истина сердца" и минимальные припасы. Ох что же ты делаешь со мной Шань? Почему так тревожно сжимается сердце?

Я не заставлял его говорить.. решишься, расскажешь. И он говорил. Путь не все. Пусть мелкими крупичками, но много больше чем иным. Я это знал, чувствовал. И мы пили. И отпускали себя. Слова, чувства, желания. В ту неделю, многое изменилось в нас. Пришла пора честности. "Только одного я не приму. Не заставляй меня..."

Практически сразу по возвращении в Облачные Глубины, вернулся туда и старший племянник с расследования слухов о некоем "Иссушающем поветрии". Описание места происшествия, наводило меня на совсем не радостные мысли. Назрела необходимость съездить в Юньмен Цзян. Откладывать дела в долгий ящик не в моих правилах, т.ч. уже на следующий день я встал на меч и отправился к нашим союзникам. Разговор с моим учеником, а ныне Главой ордена Юньмен Цзян, Цзян Ченом, получился странным. Я смотрел на этого, еще вчера ребенка, и мне было горько и больно оттого, что мы допустили, что бы они так резко и болезненно проходили процесс взросления. Кто бы что не говорил, но с годами, он становится все более похожим на своего отца. И меня безмерно радует их дружба с Лань Сиченем. Надеюсь она принесет им гармонию и продлится долгие годы.

Обсудив итоги расследования с Цзян Ченом, я решил задержаться тут до утра. Все же после сожжения Пристани Лотосов Веньцами я там еще ни разу не был. Расположившись в предложенной комнате, вышел пройтись по окрестностям и по дороге встретил вторую причину моей поездки. Другого своего ученика Вей Ина. В голове мигом пронеслось все то, о чем я думал последние три месяца, и особенно в

последнюю неделю, и я согласился на чай. Пора было не только признавать свои ошибки, но и просить за них прощения.

Нарушения правил своего же ордена, предвзятость и поспешность. Осознавать это было больно, а вот просить прощения оказалось невероятно легко. Как и говорить спасибо за племянника, этому своему не самому прилежному в прошлом ученику. В прошлом... Когда Вей Ин решился меня провожать, зашел у нас разговор и о причинах возникновения иссушающего поветрия, а именно искажение богини. На месте ее сна, которое нашел мой племянник и глава Юньмен Цзян, было место боя где смешались тьма и лоскуты одежды Цзиней. Реакция Вей Ина была более чем красноречива. Как и его слова:

- Могу сказать одно - тот, кто должен получить по заслугам, рано или поздно получит, так или иначе.

Ох... Что же ты наделал, Гуаньшань?..

Вернувшись в Гусу, я принял положенное мне наказание за осознанные ошибки, и занялся обычными делами, да и вновь прибывающие ученики требовали моего внимания и присутствия. Памятуя ошибки прошлого, программа обучения была основательно пересмотрена и скорректирована. Внимание требовалось многому. К тому же неожиданно отсутствовали оба моих племянника, и если один из них отбыл в Не, то второй смысла "в самоволку". А ведь претендует на звание взрослого человека, так же как и Вей Ин...

Дела спорились, время шло. На границе Гусу объявились пьяные в драбадан Не Мендзюя и Вень Сюй, которых повстречал Лань Ванцзи. Послушав его отчет о происшествии и на силу не рассмеявшись, назначил ему дополнительные занятия риторикой и словесностью. Так уж и быть, главе Гусу передам эти пассажи сам.

Но не успел Лань Сичень вернуться домой, как новые слухи, так похожие на слухи о нашем мертвце, но уже о целой деревне, собрали на пути расследования более чем странную компанию. Мы со старшим племянником, Цзинь Гуаньшань и два Даоса. Последнее время было столь насыщено, что поговорить с Лань Сиченем о своей поездке к Жоханю, я смог только в пути. Повинился, что забыл рассказать ему об инциденте с письмом. И, почти прямым текстом рассказал про Гуаньшаня и меня. Откуда в моем мальчике эта убежденность, что он менее важен, чем я или Ванцзи? Изменения в поведении племянника я связывал, по временным рамкам с тем случаем, когда у нас гостил Цзян Чен. Странно все это и тревожно. Ничего. Разберусь. В деревне, ожидаемо, но не желанно, нами был обнаружен тот знак, что мы уже стали невольно связывать со Старейшиной Илин, Цинь Линхуа. Упокоив и запечатав местность, разошлись в думках. Успели только с Шанем договориться о новой встрече в домике, но толком и парой слов не перекинулись.

В начале пятого месяца от перемирия, Гуаньшань не пришел на ту самую, обозначенную ранее встречу. Он ни разу еще не опаздывал. Скорей наоборот, мы

могли встретиться досрочно, но... Беспокойство погнало меня на его поиски. Плюнув на все, отправился к нему в Ланьлин спросить, там ли он, и если нет, где именно последнее время он был. Адепты, которые видели его в последний раз, поведали мне об охоте близ одной деревни. Там, возле пещеры, откуда Гуаньшань вытащил Вэй Усяня, кажется, живого, по крайней мере лекари говорили, что жить будет, они видели его в последний раз. Вэй Усяня он куда-то отнес, но куда неизвестно. В Орден не возвращался.

Гонимый возрастающим беспокойством, я отправился искать к той самой деревне, поспрашивал у местных и мне сказали, что да, вот, недавно был тут, был один, пошел на север в тысячелетним дубам, все искал каких-то новых людей и спрашивал про странные события тут в последнее время. Пойдя по следу, наткнулся на следы странных темных ритуалов и горстку пепла в центре с обрывками золотой ткани ровно такой, как носил Гуаньшань. Сердце зашло в беспокойстве, но самообладание все еще было при мне. Лоскут за пазуху и дальше до следов битвы. Где просто на земле в пыли, лежал меч главы Цзинь, меч Гуаньшаня. Собрав всю волю в кулак, избавился от выползших внезапно мертвецов со всех сторон, обрушив на них мелодию "истины сердца". Быстрее, искать... Ведь нужно найти... Еще следы. Чем дальше иду, тем гуще тьма. Поляна... Алтарь... Шань... И какие-то четверо заклинателей, и двое убитых, а может умерших? Не до того. Ведь Шань еще дышит. Резкий удар по струнам, выкинутая рука с ними же, и от ритуала остаются ошметки, как и от тех, кто хотел отобрать у меня... Тряхнуть головой, все потом. Сейчас главное оставленный "язык", и Шань, которому нужна помощь.

Быстро связав языка и аккуратно упаковав Гуаньшаня, вскочить на меч и оттащить этих двоих в нашу хижину. Опрос показывает, что мальчик очень упрямый. Он мне даже этим кого-то неуловимо напоминает. Не хочется только тратить время. Шань приходит в себя. Слаб, но храбрится. Оставляю их "наедине" и сажусь играть "расспрос". Из тех, кто был на той поляне находится один, что не осознал своей смерти. И что мы имеем? Мы имеем неудачную попытку возродить Старейшину Илин, и некоего Темного, который не имеет явных примет, который все это и затеял. Мало информации, очень мало.. Но больше мне уже не получить. На последнем вопросе:

- Он и Тёмный разные люди?

Я услышу чужой "голос" - Не вмешивайся! - и струна на гуцине лопается.

Мальчишка, темный, пытался сопротивляться, и Гуаньшань то ли неловко, то ли ловко, сломал ему ключицу. Неудобненько получилось.

Зачем? Ради чего? Почему вы, молодые да ранние, выбираете этот путь?

Его ответ и ставит меня в тупик, и вносит определенную ясность. Нереализованные мечты. Он хотел быть заклинателем, но не пришлось представителям орденов ко двору. Хм...

- Хочешь попробовать свернуть на светлый путь?

- Но..зачем вам это..зачем..учить? - ему больно, но говорит. Сильный. Хорошо.

- Ты вот познакомься, для начала, со всеми тремя тысячами правил, потом не будешь задавать таких вопросов! - в ехидной манере вставил Гуаньшань.
- Я учитель? Мне нравится твоя твердость характера? Ты не злой. Я хочу дать тебе шанс. И нет, правил уже больше трех тысяч. - вставил я, чуть улыбаясь.
- Больше... трех тысяч...? Правила...? - удивленно посмотрел на Ланя, но вновь тут же отвел взгляд... - если вы... действительно готовы... принять, то... - стиснул зубы, замолчал, выдохнул, - хорошо...
- Расскажи о себе, сколько лет, откуда, учился ли чему-то или может пробовал раньше. И я не про темный путь, как ты понимаешь.
- Хорошо... Я из Юньпина... Недавно 18 исполнилось... Пытался, но не смог...
- Я бы сказал немного не дожал. У тебя золотое ядро на стадии формирования. Это очень хорошо, но сначала нужно выправить здоровье и поправить нанесенный тьмой вред. Но... Насколько я могу судить, ты не так давно увлекся этим, все поправимо.
- Вот как... - выдохнул, не то облегченно, не то от усталости... - Ни у кого не было... времени... сделать что-то... если, правда, есть шанс... Я... Попробую им воспользоваться.

Вот так я обзавелся личным учеником. Видимо пришло время, подтвердить свой статус Шифу, и его мне послали сами небеса.

Обработав раны Гуаньшаня и Фенг Реншу, как зовут моего ученика, устроил их на отдых, а сам, за неимением большего места, сел медитировать. Утром, еще до пробуждения Гуаньшаня, собрал ученика и переправил его в Облачные Глубины, поручив заботам целителей. Сам же, в процессе сбора снадобий, рассказал Лань Сиченю обо всем что произошло за последние сутки. Предупредил что буду отсутствовать пару дней, и немедленно вернулся в домик.

Когда прибыл обратно, Шань уже проснулся. Выглядел он отвратительно, и я вдруг осознал, что почти потерял его... И не потому что война, и погибнуть может каждый, а потому что этот упрямый... субъект, все время ввязывается в авантюры один! Это была даже не злость, это была тихая ярость, а Шань все продолжал меня нервировать то пытаюсь встать, то болтая без умолку, хотя его голове, стоило бы дать отдохнуть. Обработав его раны, пошел делать завтрак. Брат говорил: Нужно успокоиться, займи себя чем-то, но...

- Так ты все-таки заговоришь со мной, или и дальше будешь молчать? - попытался прервать Гуаньшань затянувшееся молчание.
- А есть о чем поговорить? Спрашивай.
- Оу.. Может я пока пойду?.. Ты успокоишься, остынешь, а мы потом поговорим...
- Нет. - довольно резко возразил я.
- Что нет? Или ты сомневаешься, что поднимусь! Я смогу! Честно... а сейчас... ну... я могу спросить, как ты меня нашел... но...
- Конечно можешь. Сотрясения у тебя нет. Просто голова бо-бо. Для сотрясения ведь что нужно? Правильно - мозг. А если мозга нет, то это так. Просто отзвук пустоты.

- О! Хорошо, что нет! Я уже испугался. Значит пройдет, - преувеличенно бодро заявил Шань.

- Конечно нет, как и мозга. Ну, не повезло мне, что сделать. Ланьям вообще в выборе партнеров редко когда везет. - выпалил я, но так и не осознал что именно.

- Эй! Трещины в костях тоже бывают! Но... я же жив, значит все в порядке!

- Случайно.

- Но жив! - Шань снова упрямо сел.

- А если бы я не успел?..

- Ну вот зачем на столько трагические предположений?.. Ты успел! - весело усмехнулся глава Цзинь, потрогал шишку и поморщился.

- Ну да... А что я передумал пока шел по следам твоих вещей, это так... мелочи.

- Ну, а что ты сразу о плохом то думаешь?! - подтянув к себе ноги он устроился поудобнее.

- А мне нужно было думать о хорошем? Хорошо, в следующий раз буду думать, что ты забыл про нашу встречу, и пошел на другую, теряя по пути предметы одежды и МЕЧИ!

-Ну, меч то я потерял один... ну и... я не забыл!! Ну, подзадержался малость. Выпутался бы...

Не выдержав я резко встал, - Ну раз так, пойду я. Еда на столе, лекарства тоже. Лети когда голова хоть немного придет в себя, Ну, или от Гусу до Ланьлин и пешочком недалеко.

Шань поднялся следом, - Что, так просто уйдешь? Да, признаю, я ошибся и поступил глупо. Но все же обошлось...

- В который раз, Шань? В который раз ты суешься куда-то один? - меня аж потряхивало от эмоций переполняющих сердце и разум.

- Ну, было быстрее сбегать, посмотреть. Крюк был небольшим...

- Конечно. Весь практически через твои земли.

- Ну... Я не рассчитывал что-то найти... - аккуратно подойдя, он мягко меня обнял.

- А на что ты рассчитывал?! - таки не выдержав легкомысленного тона Гуаньшаня, я впервые за долгие годы повысил голос.

- Посмотреть на то, что осталось и убедиться, что там безопасно... - тихо выдохнул Шань в ответ и обнял крепче.

- Убеждаются безопасно или нет, проводя зачистку территории.

- Нуу, ее должны были провести! Считай это контролем!

- Кто должен? Твои адепты которых ты сам распустил?.. - устало, - Марш в кровать. Тебе рано вставать...

- Не сразу же! И не лягу! Ты уйти грозился! - Гуаньшань вцепился в меня, и кажется не собирался отпустить. - Я понимаю, ты злишься.. но все обошлось!

- Нет Шань, позитивнее не помогает.

- А что поможет?

- Мне? Ничего.

- Да я ценю! Видишь, живу же!

Потер переносицу, - Ну, да. Ты просто меня решил раньше времени в могилу загнать.

-Да ничего я не решил! Слушай... ну... я не знаю, что еще сказать! Да, я совершил глупость!! Но... больше не буду!

- Ловлю на слове.
- Теперь тебе лучше?..
- Я все еще хочу тебя придушить, но да. Легче.
- Ну, ты все еще можешь это сделать.
- Мог бы, уже бы придуши Я так испугался. Наверное, впервые в жизни всерьез.

Это была наша первая размолвка. В которой каждый по своему был прав и не прав. А я впервые не хотел никуда от себя отпускать Гуаньшаня, поэтому все время пытался быть к нему как можно ближе.

В голове заела дурная мысль, что я хочу, чтобы у него было что-то, что напоминало бы обо мне, и об этом дне. Еще утром, уходя из Облачных глубин, я схватил со стола то единственное, что решил оставить себе от брата. Его кольцо. У нас с ним с детства были парные кольца. Его я надел на палец, а мое, всегда висело на веревочке на шее. Неуклюже и неловко, слава богам ученики этого не слышали и не услышат, но я решился предложить ему принять мое кольцо. Такие простые безделушки не в его вкусе, так что я был готов к отказу, но он согласился. И мне стало чуть легче. День близился к концу, бессонная ночь и пережитый стресс давали о себе знать, и я уснул.

Тебе снился сон. Небо было ясным, чистым, легкий ветерок скользил вдоль белых рукавов, силясь утянуть за собой, но ткань едва приподнималась от столь мягкого потока. Ты шел не один. С тобой рядом шел избранник твоего пути, любовался природой и улыбался уже привычно мягко. Ты хотел показать ему долину, травы, цветы, кристально чистое озеро, раскинувшееся недалеко от Облачных глубин, хотел дождаться ночи и показать звезды, ведь самые прекрасные собрались именно здесь, такие же яркие, озаряющие всю твою жизнь своим золотистым сиянием. Но вдруг его внимание привлекло что-то еще - меж деревьев кто-то, шелестя одеждой, проскользнул едва заметно, удаляясь все дальше и дальше в леса. От озера, от долины, от звезд. Уводя за собой твоего избранника. Ты не мог поспеть за ним, и сколько бы ты ни звал его, он не откликнулся и не останавливался. А когда потерял среди деревьев золотые одежды, ты не смог совладать с зарождающейся в груди бурей беспокойства и страха. Блуждая по лесу, выкрикивая его имя, надеясь, что он отзовется на него, тебе начало казаться, будто кто-то специально путает твой след и не дает отыскать. Что за тварь поманила его за собой?! Где он?! Сердце колотилось, как беженное, беспокойство уже переросло в нечто большее. Струны гуциня в твоих руках отозвались надрывно, волна, соскользнувшая с пальцев, повалила деревья на землю и открыла твоему взору дикую болезненную картину - танец. Когда-то определенно бывший плавным, медленным и прекрасным в своем спокойствии, танец теперь превратился в бушующее пламя, рисующее ломаные узоры на траве. Среди прекрасных - как показалось в начале - дев, в центре этого пламени танцевал он, не помнящий ни себя, ни тебя, никого вокруг. И ни одна из твоих мелодий не могла достигнуть ни твоего избранника, ни дев, кружащихся с ним. Ты чувствовал, что с каждым его движением пламя выжигает его жизнь, но как бы ты не кричал, девы не прекращали танец, а твои песни, энергия, удары, надрывный

голос, пропитанный мольбой словно бы ударялись о незримую пелену. Последний его вдох перед падением ты услышал настолько явственно и близко, что пробудился.

Из сна меня выкинуло как ветку из глубин воды. Сердце бешено стучало в груди, а я все не находил в себе силы вдохнуть воздух. В голове звенела одна мысль: Умер. Я его потерял. И я умер. Зрение никак не получается сфокусировать. Пока прямо передо мной не появилось взволнованное лицо Шаня. Кажется он меня о чем-то спросил, а я ответил первое, что пришло в голову.

- Все будет хорошо...

Он обнимает меня. Теплый, родной, живой, и говорит, что да... Будет.. И я стремлюсь обнять его в ответ, чтобы удостовериться, он тут, рядом... Молчим. Хорошо. Но это же Шань. Спрашивает что случилось, а я не хочу вспоминать, не могу, не сейчас.. Сердце пропускает удар, и... Да Шань... Ты можешь помочь... Обещаешь. Обещаешь быть осторожнее. Боги, обещал ли ты это еще кому-нибудь? С ума схожу рядом с тобой. Ну и пусть... Любишь?!.. Ты сказал, что любишь?!.. Так... Легко. Просто. Походя... Удивлен, а как мол по другому. И ты... Ты говоришь, что, а как иначе, если ушел ко мне. Верю ли?.. Верю! Потому что если мое сердце выбрало тебя, то почему твое не может выбрать меня?.. Тот момент, когда я связал твои руки лентой впервые не забыть никогда.

-Что ты делаешь?... - удивление в твоих глазах столь велико, что я понимаю, вспомнил.

- Отдаю свое сердце тому, с кем хочу идти рука об руку...

-Ты...

-Да...

-Я ведь совсем забыл про нее...

- Извиняться не буду.. О таком не спрашивают. Это мое решение.

Именно так, неправильно, я впервые, сказал, что люблю тебя.

Следующее утро было хорошим, но тревожным. Я понимал, что мне нужно наведаться туда, где проводился ритуал, и ты практически ставишь меня перед фактом того, что либо мы идем вместе, либо ты идешь отдельно. Немного растерявшись и забыв, что само место тебе не известно, я согласился. Позавтракав мы оделись в путь. Ты долго и мило бурчал по поводу слишком простой одежды, но одежды Гусу, все же решил не надевать.

Первым нашим пунктом назначения, было то самое место, где я нашел Шаня двумя днями ранее. На месте, мы ожидаемо нашли остатки ритуала, но осмотр именно этой части я доверил своему Спутнику, как же приятно думать о нем так... Сам же я занялся поиском вполне конкретной вещи, т.к. после рассказа моего ученика, подсознательно ожидал его там найти. Знак как я думаю Цинь Линхуа, и я его нашел. Под ложечкой сосало нехорошее предчувствие и я поделился с Шанем своей находкой, кратко обрисовав что это такое по моему мнению. Одним только взглядом глаза в глаза, мы договорились, что пока, эта информация дальше нас не уходит.

Закончив на месте проведения ритуала, отправились обратной дорогой к пещере, где побывал Шань и с удивлением обнаружили там Главу Ордена Цзян, который вел себя очень вежливо и учтиво, но тем не менее постарался поскорей свернуть наши диалог и отправиться восвояси. У меня не было повода его задерживать, так что я не стал настаивать на продолжении беседы.

Едва мы успели осмотреться, как там же, у пещеры, появился Вэнь Жохань в сопровождении адептов и старшего сына. Мы поздоровались, но начинать диалог не стали. Быстро закончив дела, медленно пошли вниз, к деревне. Жохань нагнал нас на пол пути, и предложил поговорить. Место оставили на мое усмотрение, так что я и проводил их на небольшую поляну, за деревней, рядом с которой протекал ручей. Стресс и усталость накатывали волнами. Сон-не-сон добавлял головной боли, и умывшись я просто завалился на траву. Разговор протекал странно и как-то не правильно. Вэнь Жохань по старой привычке то и дело переходил на требовательный и обличающий тон, и медленно но верно закипал. Когда он удалился, явно на грани взрыва, анализ разговора поставил меня в тупик, я в нем не нашел ничего, что могло бы привести к таким последствиям. Вместе с этим, росло и беспокойство, что этот... мой бывший друг, может учудить в таком состоянии, и... Рядом был тот, с кем я мог быть до конца честен:

- Я волнуюсь за эту сволочь по старой памяти!

- Пойдем искать?.

- Сколько времени ему дадим на побушевать?

- Час. Поспишь немного.

Спустя обозначенное время, мы отправились на поиски, которые привели нас на выжженный пятючок земли. Подумав немного, что раз полыхнуло, то наверное хоть немного в себя пришел, по плану Шаня отправились в Безночный дворец. Через окно Вэнь Цин. Практически ночью. Я был настроен скептически, мне было смешно, и одновременно хотелось провалиться сквозь землю. Особенно когда уже во дворце, я поддался на уговоры Шаня, и мало того что сбрил усы и бороду, так еще и переделался в одежды Цин.

Второй разговор с Жоханем, получился чуть менее эмоциональным и чуть более информативным. Мда. Не все нужно знать о своих бывших друзьях. А некоторые вещи, порой хочется забыть, как например подробности взаимоотношений Жоханя и Усяня. Обменявшись информацией и по возможности обойдя острые углы, такие как знак на месте ритуала, и мой ученик, решили расходиться спать. Неприятно кольнуло то, что у Гуаньшаня тут оказывается есть комната. Жохань взялся меня проводить в выделенные мне покои по соседству, а заодно и поговорить тет-а-тет.

Не знаю какие цели преследовал Жохань, но его высказывания о беспокойстве за Шаня, были мне не понятны. Ведь я знал подноготную из взаимоотношений, и откровенно не понимал, его мотивов и поступков, что демонстрировались в последние годы. Впрочем, нашел возможным прокомментировать, что Гуаньшань весьма сильно

изменился с времен нашей молодости. Да порывистость осталась, но сейчас на нем много больше ответственности, нежели в юности. Тема была явно не той, о которой Жохань действительно хотел говорить, так что этот вопрос был довольно быстро свернут.

Второй вопрос касался дел семейных. Выслушав претензии, относительно поведения моего племянника и его друзей, в стычке которая произошла несколько месяцев назад с участием его сыновей, я был весьма раздосадован тем, что со мной Лань Сичень не поделился сведениями о данном происшествии... Впрочем, теперь он глава ордена и волен поступать так, как считает нужным. Жоханю же, я весьма бестактно, по своим меркам, напомнил о том, что им есть от чего серчать, но нет достаточного опыта, что бы сдерживать свои эмоции и порывы.

Жохань, я никогда не любил танцевать...

Последняя тема, казалась именно тем, что его действительно интересовало. Мол ходят слухи, что мы были в некоей деревне, и как мы справились с ее закрытием от внешнего мира. Я не смог ему ничего ответить, потому что и сам не знал ответа на этот вопрос. По сути, мы ничего не закрывали. Лишь поставили стандартные печати, а деревня... Растаяла сама. И не в моих правилах говорить о том, чего я сам не понимаю.

Мы уже было собрались расходиться, как в мою комнату нетвердой походкой пришел Шань, с бутылкой вина в обнимку и вопросом, а о чем это мы тут болтаем, и что заодно мне принесли одежду. За одежду конечно спасибо, но бутылку из его цепких рук выхватить оказалось довольно просто. Пока приводил в порядок принесенный ком тряпья, Жохань разлил пиалы на троих, а Шань, знающий как это - я не трезвый, ловко забрал себе две, в том числе и ту, что предназначалась мне. Жохань пытался настаивать, упирая на то, что в такой компании мы редко когда можем собраться, но... отбились.

Вспоминая сейчас тот наш диалог, который звучал как и прежде, я не могу сдержать пусть и печальной, но искренней улыбки.

- Хмм. Ну значит позже. Не думай, эту идею я не оставлю. - лукавая, так похожая на прошлое, улыбка расцветает на губах Жоханя, - А что ты предлагаешь? - этот вопрос уже был адресован Гуаньшаню, как и кивок на пиалы, а меж тем ко мне пододвинули чайник и новую пустую пиалу из набора.

- Да, как в старые, добрые времена! - в своей жизнерадостной манере ответил Гуаньшань.

От такого предложения я аж подавился, - Нет Гуаньшань, я отказываюсь вытаскивать тебя из сомнительных мест посередине ночи, а на охотился ты пожалуй на месяц вперед.

Дальнейший разговор был настолько похож на времена нашей учебы в Гусу... Только в конце, когда Жохань начал говорить о моем положительном влиянии на Шаня, мне показалось, что происходит что-то вне моего понимания.

Оставил нас Хань на странно-тоскливой ноте. Или мне только так показалось? А мы.. Я не хотел отпускать Шаня от себя, в какую-то другую, непонятную и отдельную комнату, и не отпустил. Странно, но сегодня, именно сегодня, говорить про себя и наяву, нежно, на выдохе - Шань...- было особенно ценно и приятно. Толком не выспавшись, предварительно разбудив Шаня и отправив его мыться, а заодно в его комнату, оставил записку с благодарностью за гостеприимство Жоханю, я покинул Безночный замок в пять утра.

Всю обратную дорогу я думал о том, что нужно было остаться, или забирать его с собой. Беспокойство никуда не делось, но я не могу ограничивать его круг общения. Особенно учитывая договор. Хоть и от осознания некоторых нюансов договора, мне было почти физически больно.

Дома нужно было занять руки и мысли. Особенно мысли. Сон, хоть и был неясным и абстрактным, все же не давал мне покоя. Гуаньшаня я не рассчитывал увидеть теперь до самого празднования свадьбы его сына и девы Цзян, так что окунулся с головой в каждодневные обязанности, и не только. Ученики, личный ученик, составление новых планов занятий и две наши библиотеки... Вместо сна, я практически все время проводил в обеих библиотеках Облачных глубин, разрешенной и запрещенной, в поисках оберега, который мог бы сделать для Гуаньшаня. Когда Ванцзи в очередной раз застал меня за темным фолиантом, наконец решился спросить в чем дело. Я как мог объяснил, что хочу сделать оберег дорогому мне человеку, но толком не знаю от чего. Возможно от предчувствия беды? Он меня понял. И даже помог определиться с типом оберега. Что ж была не была. Буду пробовать! Сколько загубленных болванок в мастерской, но я его почти закончил!

Вспомнив, что Вей Ин тоже был участником тех событий, я совершил короткую, но не напрасную прогулку до Луанзана. Разговор с бывшем учеником не был простым, ведь я знал и о его взаимоотношениях с Жоханем, и о привязанности к нему моего младшего племянника. Но помимо эмоционального разговора, я получил ответ и на вопрос практичный. Все же Вей Ин сидел на той самой горе, с которой все началось, вдруг?.. Его мнение о знаке, который я ранее отнес к Цинь Линхуа, он предполагал что относится к моему предку, Лань Энлею. Про себя же я подумал, “или к ним обоим”.

За всей этой кутерьмой, я не заметил, как Лань Ванцзи опять пропал на пару дней из Гусу, а когда вернулся стал мрачнее тучи. Мало того, что он явно хотел, но не мог рассказать что случилось, так еще и на его руке я заметил красную ленту. Я не смог ему что-либо возразить на это, но тревога моя только усилилась.

За неделю до праздника, когда мы вдвоем с ним привычно патрулировали окрестности, к нам обратился другой патруль с сообщением о том, что в деревне близ Облачных глубин, видели не вполне трезвых Вей Усяня и Цзинь Гуаньшаня. Переглянувшись, и сказав что разберемся с данными гостями, мы с Ванцзи

отправились за ними. Конечно же в трактир. Ошибка которую мы совершили с ним, это не оценили степень опьянения наших... дорогих людей, прежде чем принимать пиалы из их рук. Я так полагаю, что от шишек и прочих травм, нас с Ванци спасло то, что эти два гения, успели нас подхватить.

Мне чудился разговор, которого не было. В этом разговоре, был мой голос, и чужой. Этот голос говорил о балансе света и тьмы, о том, что это возможно, что это достижимо. Я же отвечал, что свеча разгоняет мрак, и симбиоза между ними быть не может. На каждый аргумент голоса, я отвечал контраргументом, и он отступил..

Пришел в себя я навеселе, и уже в номере. Где радостный Шань рассказал мне, что Жохань отменил тот самый ненавистный пункт договора, который будил во мне далеко не самые светлые чувства. Несмотря на компанию, в которой Шань сюда прибыл, он был на удивление милым и расслабленным. Жаль, что утро наступает так скоро...

Распрощавшись утром с Гуаньшанем и Усянем, мы с Ванци вернулись в Облачные глубины. Я в двух словах рассказал Лань Сиченю о гостях, и что они уже нас благополучно покинули. А также обсудил с ним тревожное поведение Ванци, и то, что догадываюсь, от кого у него красная лента на руке. После, и до самой свадьбы, все мое время было посвящено ученикам, и доделке оберега.

В назначенное время, мы прибыли в Башню Кои в Ланьлине, на празднество посвященное свадьбе Цзинь Цзысюань и девы Цзян Янли. Через какое-то время, был объявлен сбор гостей к началу церемонии. А дальше...

Воспоминания будто двоятся. Это как сон наяву...

Вот мы все собрались, но вынуждены ждать. Задерживаются жених и невеста. У Цзиней и Цзянов какой-то переполох. Наконец вроде вопрос разрешен, и в зал вводят Янли. Невеста традиционно прекрасна. Вся церемония, выглядит достойно, если бы не наследники и адепты Вень, которые ведут себя более чем грубо и неучтиво по отношению к хозяевам принимающим их в гостях. Вень Жохань опаздывает, и они не чувствуют жесткой руки, которая обычно держит их в узде.

Шань выглядит паршиво. Судя по некоторым признакам, чувствует себя примерно так же. Очень хочется уволочь его куда-нибудь и узнать в чем дело, но традиции и этикет, довольно долго не позволяют мне этого сделать. Вспоминаю, что сам не спал черте сколько, и думаю что выгляжу не лучше. Вень Джао ведет себя безобразно, но каждый мой предупреждающий взгляд понимает сразу и примолкает. Радушная хозяйка предлагает всем вина, что естественно для нас, отказываемся. Годы миновали, а она все так же прекрасна как и в юности. По округлившимся глазам Шаня и его натянутой улыбке, понимаю что что-то не так. Вдруг становится очень спокойно и умиротворенно. Тут вносят дерево для монет пожеланий, есть возможность встать из-за стола, сказать свое слово напутствие, а заодно не уснуть. Сразу после, есть

возможность отозвать Шаня на пару слов, он утаскивает меня в отдельное помещение, и для надежности, чтоб нам не помешали, закрывает дверь.

- Шань, ты как? Что случилось? - я действительно волнуюсь от его нетипичного поведения.

- Моя супруга... Вынесла к столу вино из моих запасов?

- И? Что в этом необычного? - с подозрением уточняю я, предчувствуя...

- Ну, понимаешь ли в чем дело, оно не простое... Там есть такая добавка, что пригодились бы дамы легкого поведения...

Не знаю смеяться мне, или смеяться. Но очень хочется в очередной раз дать ему по шее, вот только руки вместо этого обнимают мое персональное чудовище, и прижимают к груди. Совсем на чуть-чуть, не на долго, но мы не тут и не сейчас, мы просто вместе. Прерывает нас звонкий голос Мадам Цзинь, проходящей мимо нашего убежища громко зовущей по имени своего супруга, который чуть менее напряженный и чуть более растрепанный, находится в моих объятьях.

Выбравшись в зал, первое что я понимаю, успокоение не сработало. Гости заметили определенные изменения в состоянии своих организмов, и наиболее взбешенным этим фактом оказывается Вей Ин, который хватает нас с Шанем, и видимо порталом переносит за пределы Замка Кои в свою пещеру.

Вей Ин обвинял Шаня в происшествии с вином, говорил мол, что опять принялся за старое. А Шань по старой привычке не иначе, огрызнулся в ответ, и Усянь ударил тьмой. Мои слова о том, чтобы оба успокоились и поговорили, проходили мимо. Усянь ударил второй раз. Я видел что Шаню больно и более не мог оставаться в стороне, и когда Усянь поднял руку в третий раз, закрыл грудь Шаня рукавом ханьфу. Его злость и тьма была столь велики, что на рукаве осталась дыра, но... Вей Ин увидел наши кольца, и обратился уже ко мне. Как могу я защищать его, после всего что он сделал? Как могу верить ему? Как могу?! Рука поднятая для четвертого удара, Шань постарался отодвинуться, но не уходя от удара, а закрывая меня собой. Я же оставил себе небольшой зазор для маневра, и рука Усяня была остановлена моим мечом. Я не ранил его, нет. Я помнил, что он "спутник" Лань Чжания...

- Цзинь Гуаньшань, извинись перед Вей Ином. - просил я.

- Извини. - говорил Гуаньшань нехотя.

- Он не чувствует вины. - отвечал Вей Ин.

- Не думаю, что еще кому-то он говорил это слово. Пусть это будет начало.

- Как можешь ты, Шифу, быть с таким как он и защищать его?

- Он мой. А ты так пока и не понял, какие мы - Лани.

Минут пять мы поиграли в гляделки. Кажется Вей Ин пытался понять насколько я серьезен. Кажется по моим глазам он понял, что добраться до Шаня я ему не дам, а потому разрешил тупиковую ситуацию единственным разумным способом. Вернул нас всех обратно.

Шань, пока нас не увидели другие гости, отвел меня в свои покои и выдал похожее на мое ханьфу, чтобы не плодить ненужных разговоров. Там же я его продиагностировал, обнаружил искажение Ци, вызванное ударами тьмой, и не откладывая, сыграл на “Истине сердца”. Никуда гости не убегут, и ты не убежишь, а супруга твоя с попытками вот срочно подать тебя ей, может вообще идти темным лесом. Их проблемы. Ты важнее.

Едва успел выправить нанесенный ущерб, как все же пришлось возвращаться в залу приемов. Кажется инцидент с вином не только заставил народ повозмущаться, но и выгнал наконец из-за стола. Мне необходимо было поговорить с Лань Сиченем, а Гуаньшаню с гостями, так что мы разделились. Уточнив у племянника, успел ли он переговорить с Не Миндзуя об инциденте на нашей границе. И переговорив с Лань Ванцзи, так как его поведение вызывало у меня чувство тревоги, ничего нового он мне сообщить не смог, отправился на шум в зал приемов, где разгорался очередной конфликт Цзянов и Венями. Гуаньшань в целом контролировал ситуацию, так что вмешиваться я не планировал, а потом и не мог. Неожиданно, у всех присутствующих в зале кроме целителей, оказалось заблокирована Ци, и Вень Джао воспользовавшись ситуацией, пырнул Вей Ина клинком. Я в данной ситуации, хоть и имею обширные знания в целительстве, ничем ему помочь не мог, так что посторонился пропуская к раненому целительницу Вень Цин.

Пока Вей Ина приводили в себя, пришли наши знакомые по походу в “Пепельную деревню” Даосы, согласившиеся на приглашение на свадьбу - Сяо Синчень и Сунь Цзычэнь. Сяо Синчень вел себя непривычно взволнованно, но степень нашего с ним знакомства не позволяла мне подойти и задать прямой вопрос. Оставалось ожидать. Если это какие-то внутренние проблемы, они разберутся с ними сами, если внешние, обратятся к старшим, что и случилось спустя некоторое время. Сяо Синчень рассказал нам о том, что ему было видение, в котором его наставница, говорила о необходимости проведения какого-то ритуала. Но так как решился он на этот разговор далеко не сразу, легенда, Баошань Саньжэнь, пришла сама. История получалась складная, и про оживших мертвецов, и про прочие происшествия, и как рассказали даосы, еще про несколько мест проведения ритуала, очень сильно похожих на то, где я нашел Шаня. И как и в прошлый раз, очередной свиток с ритуалом, и нужны главы.

Я, в общем и целом был здесь не нужен, Сяо Синчень взял на себя тракторку, но я надеялся что к “мудрости в его руках” приложится еще кто-нибудь, и они таки правильно расставят людей от смерти к жизни. А у меня, появилось непреодолимое желание сыграть на “Истине сердца” и поговорить с кем-нибудь, из Циней. Будь то Энлей, или Линхуа. На призыв откликнулась Линхуа, с трудом и издалека, как мне показалось, но у нас получилось поговорить. Старейшина сама была не рада сложившейся ситуации, и тому во что превратился некогда любимый ей человек. Она предостерегала, но не говорила прямо. Не знаю как описать мои ощущения от общения с ней, но... Она была для меня ближе и понятнее, чем мой почивший предок Энлей.

Закончив разговор я вернулся вниз. Ритуал шел, а потом... какие-то голоса... Знакомые и не совсем. Будто другая реальность, где все иначе, и... Смерти тех, кто ныне жив. Информации было так много, что я отключился, и как потом выяснилось, не только я. Постепенно все пришли в себя, и отправились спать. Нас же, задержал мой младший племянник Лань Ванцзи. Ванцзи, просил у меня благословения, на совместный путь со своим избранником. Я посмотрел на стоящего поотдадь Вей Ина и Цзинь Гауньшаня, и согласился. Кто я такой, чтобы отказывать ему в том, чего сам страстно желаю?.. Вместе с Шанем, мы провели для них церемонию поклона предкам, небу и земле, и друг другу. Состояние у меня было шальное, почти хмельное, так что я не стеснялся направлять Вей Ина, если он вдруг забывал детали церемонии. После, на автопилоте, я следом за уцепившем меня Шанем, пошел спать.

Тебе снится сон.

К стыду своему ты подглядывал за жизнью того, кто тобой избран, и словно недавней жизнью, то ли случившейся, то ли еще нет - ты не мог сказать.

Сладкоголосая птица-юноша прилетел к твоему Избраннику, чтобы остаться с ним по праву родства, но был изгнан, и падая с высокой лестницы, сломал крыло, а с крылом растерял расположение к тому, с кем связан кровью.

И вот, ты увидел, как улыбаясь, дарит он шкатулку твоему избраннику, на которой изображены сплетенные змеи. Твой избранник принимает ее вежливо, благосклонно, открывает ее, и его окутывает туман, из которого проступают души девушек и юношей, которых когда-то что-то связывало с твоим избранником, и они набрасываются на него, разрывая его душу в клочья - каждый стремится оставить хотя бы часть его души себе... Он беззвучно кричит, пытается дотянуться до тебя, пока еще осознает себя, но очень скоро он уже тебя не помнит, а через миг его душа рассеивается вовсе и ты понимаешь, что даже в следующей жизни его не встретишь... Ты просыпаешься от собственного горестного крика, и краем сознания выхватываешь сказанную женским голосом фразу: "Безразличие рождает больше бед, чем участие. Но, все еще можно исправить, и в его судьбе".

Как оказалось, ночью, автопилот отвел Шаня, а заодно и меня, в его покои. Так что проснулся я от собственного крика рядом с ним. Я решил что второй сон, это уже точно не случайность, и рассказал ему оба. И тот что снился мне после алтаря, и тот что приснился только что. Он же, поведал мне свой недавний сон, и он был поразительно похож на мой первый, но с его стороны. Проанализировал новый сон, и некоторые прошлые события, я пришел к выводу, что речь в них шла о сыне Шаня - Яо. Я просил Шаня быть аккуратнее, и все же не тянуть с признанием ребенка. Утро не было радужным или спокойным, и мы находили успокоение в простых объятиях. Что было ждать от дня, не знал ни один из нас.

Спустившись вниз, нас настигли первые плохие вести. Вень Джао был убит ночью. Расследование по горячим следам, указывало на то, что убит он был Вей Ином.

Но так же, из башни Кои пропал не только он, но и Цзян Чен. Вень Жохань изъявил желание поговорить с Цзинь Гуаньшанем наедине, и все то время что он отсутствовал, я не находил себе места от беспокойства, пока не увидел его возвращающимся целым и невредимым. И будто этого мало, оказалось что прочие гости, не могут покинуть территорию Ланьлиня. О чем сообщили господа Не и Даосы. Привыкнув все проверять, я также отправился на мече к границе, чтобы попробовать понять природу этого явления. Получалось, что мы заключены в сферу, центр которой находится где-то в башне. Я рассказал о том что выяснил племянникам. Ванцзи неожиданно поведал мне о кольце Энлея, и что именно это его беспокоило, и именно об этом он не мог сообщить нам. Что был уговор, и он оставил его где-то в башне, но где именно он не помнит.

Ситуация была весьма не проста, и мы отправились на поиски Шаня, чтобы сообщить новую информацию, но первое что нам попало, это “знак” на стене. Знак Цинь, как мне уже было привычно называть его про себя. Задействовав амулеты, мы избавились от него, как от несущего тьму. Мне нужна была пара мгновений, чтобы переварить все это, племянники отправились дальше, а я задержался в коридоре. Как оказалось не зря. Из одного из помещений, вышел Гуаньшань и Су Ше со своим адептом. Те заканчивали отчет Шаню о попытке отправить одного из своих слуг порталом в их резиденцию, и что этот несчастный, практически сразу вернулся обратно мертвым. Су Ше предложил повторить эксперимент и выказывал готовность избавиться от тела, но я решил вмешаться в диалог. Ведь еще можно было узнать, что случилось. Это я и предложил. Меня проводили к телу. Выбор был с одной стороны простым и в то же время нет. Можно было бы сыграть расспрос, и узнать что помнит душа, но учитывая странные обстоятельства, я склонился к другому варианту. Я сел рядом с телом на пол и повернулся к Шаню, который стоял рядом.

- Шань, я пробую сопереживание. Тебе меня держать и звать назад в случае чего.

- Хорошо. - ответил он не задумываясь, и присел рядом со мной.

Отличие “сопереживания” от “расспроса” в том, что ты как бы проживаешь чужую жизнь, проходя ее вместе с умершим, но видя чуть шире и больше. Но если дух, которому ты сопереживаешь, окажется силен, есть риск раствориться в сопереживании.

Все шло как обычно. Слуга Молин Су, не был образцовым человеком. В ордене от решил спрятаться от возмездия одного из вельмож, которому успел чем-то насолить, в остальном жизнь его была скучна и пресна. До того момента, как он вернулся отсюда на территорию ордена. Он шел по двору, здоровался со знакомыми, эксперимент прошел удачно, если бы не одно но, которое он даже не успел осознать. Тот самый вельможа был там. За его спиной. От его руки он и умер. Но получалось, что там он провел с четверть часа, а у нас отсутствовал всего несколько секунд?.. Я узнал все и должен был бы вернуться, но картина изменилась. Я был у ночного костра, это была ночь охоты. Я ее помнил как вчера, ведь я был молод, рядом был брат, и это была наша с ним охота. Быть рядом с ним, еще молодым, еще юношей, видеть его живым, было радостно и печально одновременно. Не сдержав своего

порыва, я обнял его. Прижался крепко, как позволительно только в раннем детстве. Брат не удивился, просто спросил, все ли в порядке. Я ответил что да, все хорошо... А еще сказал, чтобы он всегда шел выбранным путем, потому что он не может быть неверным. Я смотрел на него, и хотел остаться рядом... Но меня звал кто-то родной, и очень дорогой, звал вернуться, говорил что я там, где-то нужен, нужен ему. И я вернулся.

Очнулся я облокотившись на Шаня, как был, рядом с телом. Немного пришел в себя, с благодарностью принял руку, когда он помог мне подняться, и рассказал присутствующим, что именно случилось со слугой Молин Су за время его отсутствия, и что там, это время было больше, чем здесь. А также, на правах Шифу, посоветовал Су Ше, внимательнее относиться к вступающим в его орден. Ведь в итоге, именно от людей зависит репутация всего ордена. Как мне показалось, Шань переживал за меня, это было очень ценно, и грело мою душу, как и любое проявление его заботы.

Рассуждая о том, что же произошло и как, мы пришли к выводу, что того человека, что убил алектра Молин Су, быть там не должно было, никак, а услышав предложение повторить эксперимент, я попросил Шаня повременить. По всему выходило, что мы вполне можем получить еще один труп, а это то, чего мне хотелось бы избежать, ведь жизнь бесценна. Шань пошел мне навстречу, и не одобрил план с "еще одной попыткой".

Только разобрались с одной проблемой, как случилось это. На том месте в коридоре с которого мы убрали знак, появились надписи. Узнаваемые и не очень, волнующие и страшные. Будто отголосок чего-то чуждого. Вспомнилась последняя фраза из сна, что я услышал утром: *Но, все еще можно исправить...* Об этом ли говорил голос? Что-то явно пошло не так, и я решил расспросить о вчерашнем ритуале, а заодно еще раз взглянуть на свиток, если он сохранился. Там же внизу встретил Шаня. Некоторые гости вели себя странно, явно что-то происходило и с ними. Опрос оказался неутешительным. Ритуал провели не верно. Нужно было решать, как это исправлять. Провести его верно? Повернет ли это вспять неверно проведенный ритуал? Но если и так, что делать с тем, что Цзян Чен, участник первого ритуала, пропал? Для начала решили поговорить с теми кто есть. Лань Сичень сразу выказал готовность действовать.

Я отвел его в одно из помещений, желая поговорить о Нэ, и необходимости убедить их также быть благоразумными и помочь. Лань Сичень же поведал мне о том, что некоторые слышат чей-то голос, который делает им разные предложения. Эта информация мне очень не понравилась, особенно в свете недавно появившегося знака. Едва мы успели обсудить этот вопрос, как нас нашел Нэ Минцзюэ. Лань Сичень озвучил ему проблему с прошедшим ритуалом и предостерег по поводу голоса, но оказалось, что поздно. Он уже сделал предложение главе Нэ, и тот уже дал свое согласие. Предложение для него было более чем соблазнительно, баланс света и тьмы, а я осознал, что уже слышал эти речи. Лань Сичень продиагностировал друга, но пока все было в норме, и даже лучше. Пока...

Мы разошлись, но стоило мне остаться одному, как голова резко заболела, и там вдруг появились воспоминания, о Совете и о войне... Свадьба... Свадьба была полтора года назад?.. Но как?.. Контроль сознания помог восстановить цепочку событий. Я был здесь, и свадьба была вчера. Я не потерялся в видении.

В нашем же стремлении сделать все правильно, мы столкнулись с проблемой. Неожиданно встали в позу Вени и Нэ. И даже всегда благоразумная Цин, не решалась нарушить запрет Жоханя. Все летело в бездну. Встреченный мной Лань Ванцзи огорошил меня тем, что кольцо, которое видимо вчера уже сыграло свою роль, опять у него. Я попросил его мне отдать, и он отдал. Время утекало сквозь пальцы, и я решился на второй безумный шаг. Ушел в укромный закуток с цитрой, и сыграл. Теперь я желал поговорить с Энлеем, ведь во мне окончательно окрепла уверенность, что это его “духа” дело. Он откликнулся. Как я и думал. Мы говорили долго. Хотя это больше все же было похоже на вечный спор. Он не хотел ничего кроме мести за то, что когда-то было его любовью. Хотя по моему, просуществовав столько лет с этой мыслью, он забыл какой была его любовь. Свои выходки с мертвецами, он называл второй жизнью. Говорил, что в посмертии нас не ждет ничего хорошего, и шанса встретить свою половину нет. Но это противоречило моему пути и убеждениям. Да, я не мог называть его ЛАНЬ Энлей, но мы оба были упрямы как истинные Лани. Наш разговор закончился ничем. Точнее, он закончился моим истощением, и отправил меня в отключку.

Меня пробудило видение. В нем, кто-то сообщал мне о том, что Шань мертв. Я открыл глаза и смотрел на цитру, в голове все еще звучали эти страшные слова. Я пытался вдохнуть, но не мог. Горло свело, и я с трудом начал приподниматься, когда меня вдруг взяли за руку такие родные руки. Шань был рядом. Он был жив. Я вцепился в его руку как в соломинку, и не мог отпустить. Он же помог мне подняться. Шань выглядел бледно, но он был жив, и ничто иное не имело для меня значение. Оказывается его тоже посетило видение, и оно как раз было о его смерти. А я был горд за силу своего брата, ведь он еще прожил годы, после кончины своего сердца. Я так не смогу.

- Навсегда. Вместе, навсегда.

Снизу доносились крики. Шань оставался главой, и мы последовали на звуки голосов. Как оказалось, очень многие начали вспоминать свою смерть. Неправильный ритуал вел всех так как был проведен - “от жизни, к смерти”. Нас опять разделили, и я в очередной раз отправился к стене, чтобы понять, какой смысл в этих надписях. Читал, пытался приложить их к разным людям, но... Ванцзи заметил что я бледен, и поинтересовался, все ли в порядке. Я кратко рассказал ему о разговоре и воспоминании, а также о том, что сил что-либо делать у меня сейчас нет, и он помог мне немного восстановиться. Я думал, что еще можно сделать? Как можно остановить этого безумца. Была мысль, но сил бы не хватило, а Лань Сичень берег их для ритуала, если он все же состоится, и я его понимал.

Устав от суеты, я отошел ненадолго подумать в тишине, и быть может очистить разум медитацией, но и тут мне не было покоя. Из мутной дымки, передо мной появилась Цинь Линхуа. Как я и думал, ей было не по нраву, что творит здесь и сейчас ее супруг. Она хотела помочь вырваться из этой западни хоть кому-то, и передала мне свиток. Исходя из него, получалось, что у кого-то, есть шанс исправить ошибку, и уйти, а кто-то был обречен... Я не стал замалчивать ни про свиток, ни про то откуда он, и вернулся с ним ко всем. И мы пытались его трактовать и расшифровать. В какой момент Шань пропал из моего поля зрения, я не помню. Его не было довольно долго, а я нервничал и не мог сосредоточиться на поставленной перед нами задаче.

Лань Сичень вел себя нервно, и я предложил разговор. Наверное, пришло время, он был нужен нам обоим. Племянник каялся, что нарушил правила Гусу Лань, что поддался чувствам. Это причиняло ему боль. И я спросил. Мимолетны ли эти чувства? Взаимны ли они? И он ответил по порядку - нет и да. И я сказал, что если они не мимолетны, если это выбор его сердца, то все правильно. Что да, быть может так, что выбор сердца не взаимен, но он не может быть не верен, и ему не за что себя корить, иначе нам всем троим нужно корить себя за выбор сердца. И ему, и мне, и Ванци... Мне показалось, что я успокоил его сердце, и он понял, что в его любви, нет ничего страшного.

Мы вернулись в зал, и туда же возвратились Шань с мадам Цзинь. Она была зла, об этом кричал весь ее внешний вид, а Шань, почти не скрываясь взял меня за руку. Мы сидели в зале, и обсуждали новую возможность, когда вдруг люди начали по очереди вставать, и уходить куда-то. Ну да, возможно не только мне нужно было уединение что бы подумать?.. Лань Сичень и Вень Сюй вели разговор. Вень Сюй не мог понять как можно простить, то что он сделал, а Лань Сичень, не мог объяснить, в чем мы иные... В этот момент, и нас троих повело куда-то. Я помню тьму, а дальше...

Я не был в Облачных Глубинах на стене, когда Вень Сюй, отдал приказ к атаке, я уводил учеников. Но сейчас, я видел все, что тогда случилось со стороны, но сделать ничего не мог. И был вопрос - "что будешь делать", и был ответ - "атаковать". Прошел будто миг, и мы вернулись обратно. Только на руке Вень Сюя была черная лента...

Шло время, копилась усталость. В один момент, мы поняли что дальше. Те, что несли на себе черные ленты, останутся здесь, те что белые или вовсе без них, смогут вернуться или заменить тех, что с черной лентой, но забрав ее себе. Шань вернулся чистым, и я поверил, что все будет хорошо. Ведь руки моих племянников тоже были чисты, вот только... Цзинь Цзысюань был с черной лентой, и Шань готов был ее забрать, ведь это его сын.

Мы говорили одни в комнате. Я говорил, - Спроси его почему, и если это будет иметь смысл, забирай. А я с тобой... Навсегда.

Шань согласился, - Да, поговорю.

Мы пошли вниз, в зал, я знал разговор будет не легкий, и надеялся, эгоистично надеялся, что он решит ее не забирать, как вдруг, меня нашел Цзинь Цзысюнь,

племянник Шаня. Он сообщил, что Лань Сичень хотел забрать у Цзян Чена его черную ленту, но тот связал его своим цзыднем, и... я был благодарен ему. Быстро спустившись вниз прошел в зал, мне нужно было проверить, что Лань Сичень действительно связан, и я могу хоть за него не волноваться. Он окликнул меня, и смотрел огромными удивленными глазами, когда я прошел мимо. Нужно было удостовериться, что и Лань Ванцзи не наделает глупостей, но... Он хотел сделать то же самое, и моя вера в то, что все закончится хорошо пошатнулась. Лань Сиченя могли освободить, Лань Ванцзи, крепко держал Вей Ина за руку...

Мы вышли. Я не знал как сказать. Ведь эти идиоты, такие же как я. Они не смогут без своих спутников. Шань обнял меня.

- Значит выхода все же нет? - спросил он, и я услышал то, чего не слышал никогда. Слезы в его голосе. И не мог сдержать своих.

- Я не знаю, что делать Шань. Если они оба...

- Значит выхода все же нет...

Мы стремительно вернулись, но... Лань Ванцзи, уже отнял ленту у Вей Ина. Мне не оставалось ничего, кроме как также схватить его за руку. Он сопротивлялся, но... Акупунктуру я знал в совершенстве. Племянник парализован, и на мне его лента, которую у меня молча забирает Шань.

- Навсегда, Шань...

Срываюсь с места, и бегом по башне, искать Цзян Чена, который врядли мог отсюда куда-то деться. Время идет, а его все нет, но на глаза попадается Яо. Помогите мне найти Цзян Чена. Не волнуйся, я просто хочу поговорить. Я не буду просить его освободить Лань Сиченя. Я не врал, и он поверил... И провел.

Если бы не Яо, я бы не нашел его. Он сидел, ему было плохо, но когда увидел меня вошедшего в комнату, то встал и поприветствовал. Ответив взаимностью, я присел, и пригласил его сделать тоже самое. Цзян Чен был насторожен и не торопился принять мое приглашение. Я постарался его успокоить, и так же как и Яо, сказал, что не буду просить его освободить племянника, и благодарен ему за то, что он его связал. Это успокоило моего ученика, и он наконец воспользовался моим приглашением. Речь его была сбивчива. Смущаясь, он покаялся как обидел Сиченя, как жалел об этом, и что еще вчера, хотел подойти ко мне и по всем правилам, попросить благословение на их общий путь. Это было не сложно. Резкий выпад, и... Еще один обездвиженный и без сил на моей совести. Его черная лента, моя. Ужас в его глазах, и мое тихое.

- Благословляю...

Поднявшись резко, вышел в коридор. Нужно было найти Шаня... Из-за поворота бежал мой некогда безупречный старший племянник. Я поймал его руками. Он был не в себе, и рвался, а на его пальце появился Цзыдень, знак того, что все правильно и искренне.

- Успокойся. Он жив. Иди, туда, к нему! Благословляю... - подтолкнув его к приоткрытой двери, я ускорил шаг. Мне нужно было найти Шаня.

Мы стояли взявшись за руки,
- Вместе. Навсегда.

...Я моргнул. Я стоял в храме предков ордена Цзинь. Шла церемония. Цзинь Цзысюань брал в жены деву Цзян Янли... В голове была вата, в ушах была вата. **Воспоминания будто двоятся. Это как сон наяву...** Церемония красива, невеста красива, а мой Шань и я, без черной ленты на руке. Я люблюсь им, и не знаю от кого прилетела такая милость...

После церемонии, ко мне подошел Глава ордена Юньмен Цзян.

- Шифу. Мне приснилось... Что там... Вы действительно?.. - он опять смущен, и волнуется.

Чуть хмурюсь, но уверен, глаза мои смеются,

- Вы хотели сделать все правильно? Так делайте!

- Да-да, конечно! Прошу пройдемте со мной!

Я знаю что будет, а потому цепляю Лань Сиченя, и прошу пойти со мной. Он ничего не понимает, но соглашается. И мы следуем в выделенные Цзян Чену покои. Он действительно подготовился, он действительно нервничает, переживает, и боится смотреть Лань Сиченю в глаза. Дары, гороскоп, положительные и отрицательные качества, написанные явно рукой его шиди, Вей Ином.

Не могу удержаться от шалости, и читаю вслух,

- Пинает и бьет брата, несдержанность и, завел собак.. Глава Гусу Лань, готов ли ты идти рука об руку, с человеком у которого такие недостатки?..

Племянник кажется в шоке, и отвечает неверяще, - Да...

- Тогда, благословляю.

Поднимаюсь с подушки, и обнимаю своих детей. Смотрю на этих истуканов, и подталкиваю в объятия друг друга. Все. Теперь все. Тихо удаляюсь, прикрывая за собой дверь, им нужно объясниться наедине.

А мне... Найти Шаня. Потому что вместе. Навсегда.

The end

Мастера сказали, что P.S. от них не будет, и каждый может закончить историю как хочет. Наша концовка была такова.

Минул год. Цзинь Гуаньшань в короткие сроки, обучил премудрости управления своего сына, развелся с супругой, и покинул свой орден забрав с собой Яо. Лань Цижень, закончил модернизацию системы обучения, подготовил себе смену, забрал ученика и покинул Гусу. Они связали свои руки и жизни, и оба признали Гуаньяо своим сыном, сговорились с Даосами, и отправились дальше, в дикие земли, основывать новый орден, который стал приютом многим детям, и не делал различий между принимаемыми адептами, оценивая каждого по заслугам и успехам. Цветами их ордена, стали золото с голубым.